

СУВЕРЕНИТЕТ, ГОСУДАРСТВО И ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П., Селиверстов И. Н.¹

Ключевые слова: Августин, Гегель, Кант, Хабермас, суверенитет, государство, право, организованная преступность, ценность, справедливость.

Аннотация.

Цель работы: выявление понятийной связи категорий суверенитета, государства, организованной преступности, нравственно-правовых ценностей.

Методы: диалектический метод и разработанные на его основе научные методы познания.

Результаты: нравственно-правовой фундамент истинного государства составляют идея справедливости, идея государства как всемирно-исторического субъекта и идея государства как суверена, которые являются различными модусами единой субстанциональной нравственно-правовой ценности, воплощающей высшую идею абсолютного добра. Разрушение этих ценностных основ ведет к размыванию различия между истинным государством и «шайкой разбойников» (Августин Блаженный). Механизмы такой трансформации государства в современном мире связаны с ростом масштаба организованной преступности и усложнением ее структур. В заключение статьи обосновывается вывод о том, что суверенитет государства начинается с выработки суверенной правовой идеологии, в основе которой должна лежать суверенная философия права.

DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-13-20

Герберт Харт разрабатывал свою теорию государства как развернутый ответ на вопрос Августина Блаженного: «Что суть государства без справедливости, как не разросшиеся разбойничьи шайки?» [37, с. 109]. Эта преемственность смыслов от древнего Отца Церкви, заложившего основы представления о сущности государства, до основоположника аналитической юриспруденции, ставшей одним из наиболее влиятельных политико-правовых течений XX—XXI вв., не случайна. Какую, казалось бы, ни возьми характеристику, определяющую стиль мышления, ценности и идеалы, представления об истине (в том числе: эпоха, культура, вероисповедание и т. п.) — в любом случае позднеантичного епископа и современного профессора-позитивиста разделяет пропасть. Значит, общее для обоих понимание, что «госу-

дарства без справедливости» суть «разбойничьи шайки», заключает в себе несомненную истину.

«О Граде Божьем» Августина — парадигмальное произведение, сформулировавшее на века идеи всемирного государства, являющегося всемирно-историческим субъектом. Этой идеи мы не найдем ни у Платона, ни у Аристотеля, ни у Цицерона, остававшихся в рамках представлений о полисном государстве или о республике эллинистического типа. Учение Августина могло состояться только в лоне христианской мысли, соединившей в едином синтезе идею абсолютного добра и идею всемирной истории, схваченную в эсхатологической перспективе. Идея абсолютного добра в образе государства преломляется в идею справедливости [29, с. 43], всемирно-историческая идея — в идею имперской миссии.

¹ Захарцев Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, член-корреспондент РАРАН, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: sergeyivz@yandex.ru

Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: dwm61@inbox.ru

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАРАН, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: fonduniver@bk.ru

Селиверстов Илья Николаевич, магистрант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: i9602533366@gmail.com

Именно такое государство, по мысли Августина, является истинным государством, и именно такое государство он противопоставляет деспотическому царству, которое отличается от «шайки разбойников» только в количественном измерении, но не качественно. Исторический пример «неистинного» государства Августин находит в древнем Ассирийском царстве. Примером истинного государства для него является христианская империя позднего Рима. Дихотомию «царства» и «республики» Августин трактует также в свете платоновского противопоставления мира идей и чувственного мира. «Республика», христианское государство справедливости и морали, является для него наиболее полным воплощением «идеи» государства. «Царство» же — это наименее причастное идее блага, абсолютного добра, политическое образование. Поэтому оно равно далеко и от начал права, и от принципов нравственности. Если подлинное государство основано на высших нравственных принципах, то безыдейное царство их лишено, в нем отсутствует всякая справедливость и оно зачастую действительно более подобно «разбойничьей шайке», чем государству в точном смысле этого слова. Происхождение таких «государств» Августин рассматривает как извращение естественных политических институтов, в том числе и вследствие деградации истинного государства.

Этот вопрос Августин рассматривал в комплексе с вопросом о происхождении рабства и связанной с этим торговли людьми. Для Августина и рабство, и деспотическое государство имеют одинаковую природу, вытекающую из их отчужденности от божественной идеи абсолютного добра. При этом данная отчужденность трактуется в христианском духе как наказание за грехопадение человека. Государство же как подлинное объединение свободных людей Августин трактует в духе теории общественного договора, продолжая здесь традицию Эпикура и предвосхищая теоретические построения Нового времени. Договор — это свободное объединение людей, согласных принять власть государства, обеспечивающего возможность их духовной жизни и дающего для этого покровительство Церкви как социальному институту, реализующему эту возможность, говоря современным языком — социальный консенсус относительно нравственно-правовых ценностей.

Характерно, что нравственные корни римской государственности Августин видит не непосредственно в ее христианской вере, а в исторически сложившимся духе гражданственности. Опровергая мнение язычников о том, что разграбление Рима варварами было последствием его христианизации и что в результате принятия христианства римляне утратили свои гражданские качества, Августин вспоминает примеры военной и гражданской доблести древних римлян (например, Муция Сцеволы или Регула). Сравнивая языческих героев и христианских мучеников, он делает вывод о том, что в их подвигах проявил себя единый дух нравственной и гражданской добродетели. Христианство лишь прояснило те смыслы идеалов справедливости, верности гражданскому долгу, нормам морали, которые были известны также и римлянам эпохи Республики. Такой подход Августина фактически подготовил последующие суждения классиков правовой мысли о том, что нормы морали и права, хотя и имеют своим источником бже-

ственную справедливость, но непосредственно не сводятся к ней [15, с. 23—24].

Следующий шаг в понимании сущности истинного государства был сделан в эпоху Нового времени с переходом от средневекового политико-правового партикуляризма к системе отношений национальных государств, закрепленных Вестфальским договором. Это позволило впоследствии говорить о вестфальском типе государственности, основанном на идее суверенитета. Концепция суверенитета, как она создавалась мыслителями от Марсилия Падуанского и Жана Бодена до Томаса Гоббса и Джона Локка [16; 22; 24; 31; 34], имела в своей основе идею ценностного консенсуса нации, восходящую к учению Августина.

Как нам представляется, динамическая энергетика эсхатологического историзма Августина, породившая у него идею имперской государственности, в новоевропейских учениях не уходит бесследно, а концентрируется в статическую энергетическую идею суверенитета. Образно говоря, экстенсивная величина всемирно-исторического порыва, зафиксированная в концепции Августина и воплотившаяся в империи восточно-римского или западно-римского образца [8], обретает меру, переходя в интенсивную величину воли народа, которая воплощается в суверенной государственности (в качестве аналогии здесь можно напомнить об интерпретации Гегелем перехода от средневекового духа, обращенного в поисках своих оснований вовне себя, например, в крестовых походах, к его своего рода концентрации в себе самом, порожденном Реформацией). Таким образом, нравственно-правовой фундамент государственности, который отличает государство от шайки разбойников, — идея справедливости, а также идея государства как всемирно-исторического субъекта и идея государства как суверена — составляют лишь различные модусы единой субстанциальной нравственно-правовой ценности.

Рубеж XX—XXI веков отмечен кризисом модели суверенного государства Вестфальского типа. Об этом, к примеру, говорит Юрген Хабермас [23, с. 78—79]. Осознавая ценностный потенциал суверенитета как нравственно-правовой идеи и как социально-правового института, Хабермас стремится сохранить это ценностное содержание, видимо, сознавая, что простое разрушение суверенитета повлечет за собой обрушение всех остальных ценностных устоев государства. При этом он апеллирует к работе И. Канта «К вечному миру», в которой находит обоснование идей суверенитета личности и суверенитета народа. Утверждение приоритета этих форм суверенитета могло бы компенсировать ценностные потери, неизбежные при «деконструкции» вестфальской государственности. Такой подход, в частности, разделяют те западные юристы, которые обосновывают модель суверенитета как набора компетенций, подлежащих частичному отчуждению или делегированию в наднациональные инстанции [21, с. 28—36; 40, с. 253—257].

Согласно комментариям Ю. Хабермаса, для Канта право является не просто средством для поддержания мира между государствами. Скорее, наоборот, мир между нациями он понимает как мир, справедливый изначально [29, с. 110]. Соответственно, можно трактовать этот теоретический посыл таким образом, что для Канта гипотетический изначальный мир является источником

справедливости и права, а значит, и высшим началом, легитимирующим суверенитет. Тогда «идея всемирно-гражданского устройства, гарантирующего «объединение всех народов под эгидой публичных законов», обретает значение «истинного», императивного, а не просто временного состояния мира» [29, с. 110].

Позволим себе не согласиться здесь с Ю. Хабермасом. В «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума» Кант указывает на чисто субъективный характер теоретического и практического идеалов. Он подчеркивает искусственную природу самой границы познания и воли: произвольное перенесение разумом идеала из сферы субъективного долженствования в сферу объективной действительности неизбежно порождает иллюзии. В области же права Кант, напротив, попытался рассмотреть свой аналог «идеала чистого разума» в виде всемирно-гражданского устройства как нечто практически исполнимое. Полагаем, что это был лишь своего рода мыслительный эксперимент, произведенный философом права. Если же это не так, то из этого вовсе не следует, что мы должны апеллировать к букве кантовских произведений, а не к их внутренней логике.

Вместе с тем сам кантовский текст, конечно же, дает основания говорить о том, что в научном творчестве автора трактата «К вечному миру» идея государственного суверенитета впервые подверглась систематической теоретической ревизии как последнее и абсолютное основание правовой жизни. Как нам видится, у Канта сохраняется дуализм между требованием безопасной жизни, которую якобы могут дать лишь международные гарантии против войны, и императивом сохранения национальной независимости. Кант специально подчеркивает, что речь идет о независимости народов, отличающихся друг от друга по языку, религии и образу жизни. Впрочем, данное противоречие замечает и Ю. Хабермас: «Теря суверенитет своих государств, народы могут потерять и национальную независимость, которую они завоевали, следовательно, опасность угрожает и автономии своеобразных коллективных форм жизни народов. Если так прочесть кантовские тексты, то «противоречие» состоит в том, что граждане всемирной республики должны заплатить за гарантии мира и гражданской свободы ценой потери той субстанциональной свободы, которой они обладают, если принадлежат народу, организованному в национальное государство» [29, с. 116—117].

Кантовской точке зрения Хабермас оправданно противопоставляет позицию Г.В.Ф. Гегеля, который и в своих ранних работах, и в «Философии права» отстаивал отношение к суверенитету как к неотъемлемому атрибуту государственности, видя в суверенитете объективный социальный аналог субъектности личности. В данном контексте можно согласиться со словами немецкого исследователя Х. Отмана о том, что «каждое поколение обречено по новой делать выбор между Кантом и Гегелем» [41, с. 263]. В противоположность механистическим моделям государства Гоббса и Локка (от которых в этом вопросе не очень далеко ушел и Кант) Гегель утверждает, что «государство — не механизм, а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира» [10, с. 299]. Отстаивая идею государственного суверенитета как абсолютной ценности, Гегель вступает в прямую

полемику с Кантом. Он не принимает проводимого Кантом различия народного и государственного суверенитета, не принимает идеи всемирного гражданства, всемирного правительства и какой-либо иной политической инстанции, стоящей над отдельными суверенными государствами: «Над государствами нет претора, в лучшем случае их отношения регулируются третейскими судьями и посредниками, да и то лишь от случая к случаю, т. е. согласно особенной воле» [10, с. 365].

Поэтому закономерно, что высшим судом в отношениях между государствами (в том числе и по вопросам признания их суверенитета) может быть, по Гегелю, только сама история (Geschichte) [12, с. 32—34]. Таким судьей не может быть ни другое государство, ни мировое правительство, ни даже мировое сообщество. Только история включает в себе надгосударственную субъектность и является для мирового сообщества тем, чем был суверенитет для государства и институт суда для гражданского общества. Духовная субстанция личности, общества и государства, которую Гегель определяет как «всеобщий дух», осуществляет свое право «во всемирной истории как во всемирном суде» [10, с. 368].

Таким образом, признаком суверенитета государства оказывается его право быть субъектом всемирной истории, которое государство должно иметь волю отстаивать, в том числе и военными средствами [10, с. 366; 14, с. 120—139]. В итоге два выделенных в истории мысли модуса аксиологического измерения государственности — всемирно-историческая субъектность и суверенитет — обнаруживают свое субстанциональное единство. И в этом обнаруживает себя справедливость, отличающая истинное государство от «шайки разбойников».

Размывание границы между ними означает деградацию государства и самой идеи государственности, что неизбежно ведет к превращению государства в «шайку разбойников», к потере им образа абсолютного добра. Так, не являлась государством «манихейская империя» Гитлера, которая при всей безупречности системы юридических норм перестала быть выражением высшей нравственной идеи и даже более того: стала выражением субъектности абсолютного зла [12, с. 86; 30, с. 5—13; 28, с. 61—67].

Потеря государством своей всемирно-исторической субъектности, которая начинается с отказа от проведения активной внешнеполитической линии, размывание национального суверенитета, разрушение общественного согласия относительно идеалов социальной справедливости — всё это шаги к распаду самих основ государственности, поскольку они означают размывание ее ценностного фундамента. Будучи различными формами единого процесса трансформации ценностных основ государства в своего рода «антиценности», они могут выступать в различной последовательности и в различных комбинациях. Но они всегда ведут к одному результату — превращению государства в «шайку разбойников».

Механизмы этой трансформации государства в современном мире связаны с усилением масштаба организованной преступности и усложнением ее структур, когда возможности транснациональных преступных организаций становятся сопоставимы с возможностями суверенных государств [7, с. 13]. Дело не только в том,

что организованная преступность несет в себе реальные угрозы общественному благополучию, но и в том, что она выступает одновременно и индикатором, и катализатором негативной трансформации государства, деградации его ценностных основ. Возрастающая хаотизация общества, все усиливающееся социальное отчуждение, размывание традиционных ценностей и кризис идеалов, усиление экономического и социального неравенства имеют своими результатами аномию, деформацию правосознания, десоциализацию личности и, как следствие, усиление ее криминальной ориентированности.

Отметим, что особенно тяжело сказались мировые тенденции деградации государства и общества в России 1990-х гг., что было связано с последствиями распада государства, аномическими процессами гражданского общества, общим упадком правовой культуры и правосознания. Именно в этот период в Российской Федерации шло активное формирование структур организованной преступности. По мнению, например, известного британского политолога, специалиста по международной преступности Марка Галеотти, именно в «дикие 90-е» в России наблюдался расцвет «авторитетов» [9, с. 187—207]. Несмотря на очевидные успехи возрождения Российского государства в последние два десятилетия, полностью переломить инерцию организованной преступности пока не удастся. Возрастает степень опасности организованной преступности, идет ее сращивание с деятельностью политических организаций экстремистской направленности, с различными террористическими структурами [35, с. 5—12], как и ее все более активное использование новейших технологий, особенно в информационной сфере [5, с. 57—60; 18, с. 222—230; 2; 3].

Экономические, социальные и политические условия, создаваемые процессами глобализации, многократно усиливают негативные для общества тенденции в развитии организованной преступности: значительно возрастает социальная опасность всех без исключения видов деятельности организованной преступности; возрастают возможности преодоления социального контроля, осуществляемого правоохранительными органами различных государств (и прежде всего тех государств, на территории которых преимущественно производятся наркотики), а также международных полицейских и правоохранительных органов и организаций; организованная преступность активно идет по пути международного сотрудничества в интересах реализации своих преступных замыслов, что открывает новые возможности в преступлениях, связанных с трансграничными операциями (контрабанда, незаконный оборот оружия, наркотиков, биоматериалов, рабство и торговля людьми, содействие в нелегальной миграции и т. п.); в условиях глобализации организованная преступность все более глубоко включается в систему транснациональной организованной преступности; система транснациональной организованной преступности становится все более сложной, идут процессы ее интеграции; стремление отдельных преступных синдикатов поставить под свой контроль значительные сегменты этой системы переводят на глобальный уровень традиционную для преступности борьбу за сферы влияния, что многократно усиливает степень социальной

опасности организованной преступности; деятельность организованной преступности все более дрейфует в область экономической деятельности (особенно финансово-экономической деятельности, связанной прежде всего с легализацией криминальных капиталов), что ведет к снижению инвестиционной привлекательности государств, криминализации легального сектора экономики, распространению криминальной субкультуры и свойственных для нее форм социального поведения на весь социум, ведет к проблемам в борьбе с экономической деятельностью организованной преступности в условиях своего рода «чересполосицы» ее легальных и нелегальных форм; в развитии «традиционной» организованной преступности в условиях глобализации все более определенно проявляются тенденции к ее конвергенции со структурами политического экстремизма и терроризма, что синергетически усиливает степень социальной опасности всех этих форм негативной деятельности.

Высокая степень социальной опасности связана прежде всего с самим характером деятельности преступных сообществ, основной целью которой выступает экономическая деятельность, ориентированная на достижение сверхприбылей. Экономическая деятельность либо с самого начала является основной сферой приложения усилий криминального сообщества (например, ведение запрещенной предпринимательской деятельности по производству социально опасных товаров и услуг, удовлетворяющих деструктивные потребности личности, деятельность по легализации криминальных капиталов, незаконное строительство, мошенничество в банковской сфере, незаконные операции с криптовалютами, незаконная деятельность в области обслуживания и модернизации жилищного фонда городов России и т. п.), либо является конечной целью вложения преступных капиталов, нажитых вне собственно экономической сферы (наркокапиталы, проституция, рэкет, рейдерство и т. п.). В последнем случае преследуется как прямая цель извлечения прибыли, так и косвенная цель легализации этих капиталов и «легализации» самих преступников, превращение их в «респектабельных бизнесменов». В любом случае экономическая деятельность организованной преступности несет в себе социальную опасность не только постольку, поскольку она служит для нее стимулом и «прикрытием», но и поскольку она оказывает деформирующее воздействие на микроэкономические процессы. В случае же выхода ее на политический уровень, как это было в России в 1990-е годы, она несет угрозу и макроэкономическим процессам.

Говоря о последствиях деятельности организованных преступных сообществ, нужно отметить, что эта деятельность прежде всего подрывает качество социальной сферы за счет сокращения объема инвестиций и способствует искажению структуры рынка вследствие применения нелегитимных средств производственной и финансовой деятельности. Формируемые организованной преступностью деструктивные модели поведения на рынке оказывают негативное воздействие на легальный бизнес, стимулируя вовлечение последнего в коррупционные схемы, схемы ухода от уплаты налогов, незаконного обналичивания денежных средств и т. п. Параллельно повышается степень организации самого криминалитета путем принудительного сплочения, а

также за счет своего наглядного воздействия на участников криминальных коммуникаций.

Посредством целенаправленного и систематического использования условий, благоприятствующих политической и экономической жизни общества, организованная преступность ставит под угрозу фундаментальный порядок демократических свобод. В итоге утрата авторитета государства подрывает основы правосознания населения, ведет к кризису его правовой культуры, изменяет условия политической, общественной и экономической жизни, позитивное право постепенно вытесняется «отрицательным и развратно-негативным правом» [11, с. 206—212; 13, с. 40—45]. В итоге уровень правового нигилизма в России сейчас весьма высок.

Интересно об имеющемся положении дел сказал А.И. Александров. По его мнению, «поскольку каждый индивид, пусть не всегда сознательно, в зависимости от уровня общей и правовой культуры, решает для себя вопрос о соблюдении закона, примеряя нормы правовой системы к собственным моральным установкам и интересам, важную роль в принятии такого решения играет его субъективное отношение к правоустанавливающему институту — государству. Лишь в высокой степени сознательные индивиды, отличающиеся незаурядным уровнем общей и правовой культуры, способны соблюдать закон, абстрагируясь от своего отношения к установившему его государству» [1, с. 181]. Таким людям на основе ценностного отношения к государству удается отделять деятельность некомпетентных, недобросовестных или коррумпированных государственных чиновников от государства как такового.

«Нейтрализация государственной власти» со стороны организованной преступности, обозначаемая зарубежными криминологами как «системно неизбежная» [39, с. 248], имеет место на всех уровнях государственной власти. Шкала конъюнктурных возможностей весьма широка — от подкупа младших государственных служащих до взаимного использования потенциала организованной преступности и высших органов государственной власти в практике согласования стратегических интересов. Наглядным примером могут служить факты участия ведущих политиков послевоенной Италии в финансовых преступлениях организованной преступности. Можно отметить также и печально известную социальную нестабильность в ряде государств Латинской Америки и стран Карибского бассейна, вызванную превосходящим все границы влиянием наркокартелей, или симбиотические объединения японской политики и якудзы.

Применение коррупционной практики способствует ослаблению притязания государства на монополию власти. Соразмерно «приватизируются» средства власти аппарата государственного управления. Притязания организованной преступности на власть осуществляются в мировом масштабе и могут привести к ее частичному контролю за деятельностью государства. Динамика организованной преступности, включая тактику организованных преступных сообществ, усилия по обеспечению скрытности, маскировки и прикрытия, планирование и осуществление соответствующих PR-акций и т. п., направлена на скрытую конфронтацию с правовой структурой государства. А властные претен-

зии транснациональной организованной преступности неизбежно сталкиваются с властными претензиями государства. Таким образом, как отмечают зарубежные исследователи, специфику организованной преступности можно толковать так, «что она не только приватизирует государственную бюрократию, но и подрывает монополию государства на власть» [38, с. 18]. Особенно опасным представляется слияние организованной преступности с подрывными, сепаратистскими и другими антигосударственными организациями, в том числе и с такими, которые широко используют террористические методы.

Организованные преступные сообщества, действующие за пределами страны и входящие в систему транснациональной организованной преступности, подрывают также и международный авторитет России [4, с. 164], что негативно сказывается на ее имидже, а также снижает привлекательность для потенциальных инвесторов. Поэтому не случайно Российская Федерация ведет активную работу по борьбе с деятельностью российских организованных преступных группировок, связанных с транснациональной преступностью. И прежде всего — «с преступлениями, связанными с экстремистской и террористической деятельностью, противодействие которым включено в число основных задач по обеспечению национальной безопасности» [6, с. 98].

В этой связи следует принимать во внимание, что значительные финансовые средства организованной преступности заключают в себе немалый политический потенциал. И чем успешнее определенные силы в экономическом плане, тем более они усиливаются в плане политическом. Здесь же кроется и еще одна опасность, а именно: опасность постепенного привыкания общества к существованию организованной преступности. Нужно иметь в виду, что социальная опасность организованной преступности неразрывно связана также с ее воздействием на культурное и информационное пространство общества. Прежде всего организованная преступность ведет к построению замкнутой системы субкультуры с антиобщественными нормами и видами поведения. Наконец, организованная преступность, в особенности транснациональная организованная преступность, осуществляя трансграничную торговлю людьми, возрождает в XXI веке рабство, несовместимое с духом истинной государственности (вспомним Августина), к которому, однако, постепенно начинает привыкать общество.

Суммируя сказанное, отметим, что в современной юридической литературе в общем и целом называются три общие характерные черты организованной преступности эпохи глобализации: исключительный масштаб преступной деятельности, без преувеличения, достигшей планетарных масштабов, когда транснациональные преступные сообщества по своим возможностям и мере влияния превосходят возможности некоторых формально суверенных государств; установление кооперации между криминальными организациями на международном уровне; резкое повышение степени социальной опасности организованной преступности, связанное с приближением ее влияния и возможностей к возможностям отдельных государств.

Для противодействия организованной преступности необходимо развитие государства и самой идеи

государственности. Исторически это развитие всегда имело своей предпосылкой различные формы осознания абсолютной ценности государства как воплощения порождающей модели абсолютного добра [32, с. 32—40], ценности суверенитета государства и его институтов [26, с. 7—11; 27, с. 110]. Это знание, если оно не остается абстрактной идеологемой, а становится конкретным, дискурсивно развернутым, внутренним содержанием духовной жизни личности и общества, способно обеспечить действенность волевого импульса к воплощению идеалов справедливости в практике государственного строительства, в его социальной и экономической политике. Таким образом народ проявит себя в качестве действительного носителя суверенитета, понимаемого исключительно как субъектность деятельности общества и государства по реализации в социальном пространстве идеала справедливости, а в конечном итоге, если вспомнить Владимира Соловьева — реализации ценностей истины, добра и красоты. Здесь нет преувеличения, поскольку и право, и государство представляют собой не относительные, а абсолютные ценности [33, с. 22—28].

Как справедливо отмечает А.Д. Керимов, тысячами формировавшаяся духовная культура всегда главенствует над любыми сущими моделями общественного мироустройства, над любыми наличествующими политико-правовыми институтами и структурами, в конечном счёте определяя их содержание, наполняя их подлинным экзистенциальным смыслом, вдыхая в них жизнь [20, с. 238; 25, с. 103—105]. Во многом этим определяется роль государства и права в современных интеграционных процессах, если рассматривать государство и право прежде всего в аспекте их духовной ценности [17, с. 193—196]. С этой точки зрения очевидно, что основой государственного суверенитета является суверенная идеология права, раскрывающая и закрепляющая абсолютные и относительные ценностные основания существования государства [33, с. 22—28]. В свою очередь, выработка такой идеологии предполагает разработку суверенной философии права.

Национальный суверенитет невозможен, если правовая система государства основана на принципах заимствованной философии права. Невозможно проводить суверенную правовую политику, если она построена на философско-правовой «матрице», сформированной на базе нравственно-правовых ценностей и идеалов научности, выработанных в других государствах. Это невозможно даже в том случае, если мы оставим за скобками геополитическое противостояние этих государств

России и будем исходить из а priori полагаемого принципа доброжелательного отношения к России иных акторов мировой политики. В любом случае: если мы формируем теорию права и государства на заимствованной философско-правовой платформе, то мы просто обречены постоянно оправдываться за все действительные или мнимые ошибки в законодательстве, обречены с вечной оглядкой на чужое мнение создавать нормативно-правовую основу как внутренней, так и внешней политики. Реальная правовая политика должна вырабатываться и осуществляться совершенно независимо от внешнего теоретико-правового дискурса, задаваемого научными идеями и самой семантикой чужой научной речи. Очевидно, что без скорейшей разработки современной российской правовой идеологии и ее научной и мировоззренческой основы — оригинальной национальной философии права — вся система суверенитета российского общества и государства будет неустойчива и уязвима для внешнего влияния [19, с. 14—15]. Единственным возможным направлением разработки суверенной философии права, соразмерной российскому традиционализму в области нравственно-правовых ценностей, нам видится актуализация классической философии и метафизики права.

Классическая философия является единым процессом от Парменида до Гегеля, развитие которой определяется внутренней логикой философского мышления, общности предмета — всеобщего диалектического торжества мышления и бытия — и, с некоторыми оговорками, общностью проблематики [12, с. 3—4, 25—31]. Выявленные ею смыслы имеют всеобщее и актуальное значение. Постклассическая философия, как она существовала последние полтора столетия, была не более чем набором способов интерпретации и идеологизации этого наследия с учетом особенностей различных национальных культур. Хотя, разумеется, с такой трактовкой западной постклассической философии и ее научной ценности согласятся далеко не все.

Новое, свободное от накопившихся упрощенных интерпретаций и в то же время учитывающее достижения истории философии последних десятилетий прочтение классической философии и метафизики права, установление своего рода «диалога» с ее внутренней логикой является основой независимости отечественной философии права, призванной раскрыть в условиях нового исторического вызова вечные смыслы справедливости и свободы, исторически заложенные в основах российской государственности. ■

Литература

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. СПб. : СПбГУ, 2013. 598 с.
2. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность — угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 131—148.
3. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 31—43.
4. Белоцерковский С.Д. О криминологических основах правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 163—166.

5. Бутенко О.С. Влияние современных информационных технологий на реализацию мер уголовной политики // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2016. 235 с.: табл. С. 57—61.
6. Бутенко О.С., Шелепова Ю.Л. Противодействие преступлениям экстремистского и террористического характера на современном этапе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5 (96). С. 98—102.
7. Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1997. 70 с.
8. Вязигин А.С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб. : Сенатская типография, 1912. VIII, 200 с.
9. Галеотти Марк. Воры. История организованной преступности в России / Перевод Павла Миронова и Александры Финогеновой. М. : Индивидуум, 2019. 448 с. с илл.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
12. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с.
13. Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. 440 с.
14. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. 2017. № 1. С. 120—139.
15. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) : монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Ложнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
16. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 38—44.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 193—197.
18. Ищенко П.П. Эволюция организованной преступности в цифровую эпоху // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 222—231.
19. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 14—18.
20. Керимов А.Д., Халипова Е.В. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 2 (3). С. 234—241.
21. Клименко О.А. Общетеоретические вопросы в дискуссии о перспективах трансформации суверенитета в странах Европейского Союза // Юридическая мысль. 2017. № 1. С. 28—37.
22. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 53—57.
23. Клименко О.А. Юрген Хабермас о понятии наднационального суверенитета как условия «Конституции Европы» // Верховенство права и национальные интересы России : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 78—82.
24. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22—28.
25. Куксин И.Н., Керимов А.Д. «Сильное государство»: теория и практика в XXI веке // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 91—108.
26. Лазарев В.В. О суверенитете суда // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения : материалы круглых столов. М., 2015. С. 7—12.
27. Лазарев В.В., Мурашова Е.Н. Место решений Европейского суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 110—124.
28. Масленников Д.В. «Злая тьма манихейская...» (Гностицизм как источник культа зла в истории европейского общества) // Образование. Экономика. Общество. Научно-практический образовательный журнал. 2009. № 5-6. С. 61—67.
29. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42—47.
30. Масленников Д.В., Маков Б.В. О судьбе гностицизма в европейской культуре // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 1 (22). С. 5—13.
31. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала — Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 149—157.
32. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права и идея абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : Башгу, 2018. С. 32—40.
33. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 22—29.
34. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 173—179.

35. Соотношение национального и международного права по противодействию национализму, фашизму и другим экстремистским преступлениям : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 30 октября 2015 г.) / Под ред. Заслуженного юриста Российской Федерации, д.ю.н., проф., ген.-полк. юстиции А.И. Бастрыкина. М. : ЮНИТИ, 2015. С. 5—12. 239 с.
36. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М. : Весь мир, 2008. 192 с.
37. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkehr der Gerechtigkeit. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
38. Duyn P.C. van. Organized crime in Europe. N.Y., 1996.
39. Klahr K. Drogenpolitik und Organisierte Kriminalität. Bonn, 1998.
40. Lepoivre H. Staatlichkeit und Souveränität in der Europäischen Union am Beispiel Frankreichs. Frankfurt am Main: Lang, 2003.
41. Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von M. Wischke, A. Przylebski. Würzburg: Königshausen - Neumann, 2010.

Рецензент: *Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований, Заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия.*

E-mail: 21alik@mail.ru

